

— Господин Дуаньму, куда вы так спешите? У меня есть дело до вас, не торопитесь.

Шэнь Нань шагнул вперёд, перегородив дорогу.

Дуаньму Цин, увидев его, разозлился до предела. Едва сдерживая гнев, он оттолкнул его рукой и, сделав широкий шаг, бросил приказ:

— Возьмите его под стражу! Разберусь с ним, когда освобожусь!

— Эй, подождите, за что вы так со мной? Давайте поговорим по-хорошему!

Шэнь Нань продолжал сопротивляться, но Дуаньму даже не обернулся. Два тайных стража схватили его и увели. После нескольких попыток вырваться Шэнь Нань наконец сдался, и его отвели в подземелье.

Быстро дойдя до кабинета, Дуаньму обнаружил Девятнадцатого, лежащего на шахматном столе в растрепанном виде. Услышав звук открывающейся двери, тот едва смог различить силуэт. Его сознание было затуманено жаром, и он не мог разглядеть, кто вошёл, но по интуиции решил, что это Дуаньму.

Дуаньму поднял его и обнял. Ощувив знакомый, успокаивающий запах, Девятнадцатый окончательно потерял контроль над собой. Он начал тереться о Дуаньму, бормоча «господин» и чувствуя, как становится всё жарче. Обнаружив, что шея Дуаньму кажется прохладной, он крепко обхватил его руками, прижавшись лицом, чтобы облегчить жар.

Дуаньму поднял его, позволив ногам Девятнадцатого обхватить его талию, и успокаивающе прошептал:

— Девятнадцатый, будь послушным, пойдём в комнату, здесь можно простудиться.

Девятнадцатый, в полубессознательном состоянии, едва слышал слова Дуаньму. Ему хотелось снять одежду, чтобы охладиться. Одной рукой он обнимал шею Дуаньму, а другой пытался снять сначала свою одежду, а затем и его, желая, чтобы оба были одинаково обнажены.

В кабинете не было кровати, и на столе Девятнадцатому было неудобно. Дуаньму, держа его на руках, почувствовал, как определённая часть тела Девятнадцатого уже пробудилась. Тот внезапно почувствовал себя обиженным, и на его глазах выступили слёзы. Он не понимал, почему, но в душе ему было беспокойно. Он продолжал обнимать Дуаньму, умоляющим тоном повторяя:

— Господин, мне плохо... Мне так плохо...

Дуаньму поцеловал его глаза и ласково прошептал:

— Хорошо, Девятнадцатый, я знаю, что тебе плохо. Пойдём в комнату, хорошо? Будь послушным...

Девятнадцатый продолжал срывать с себя одежду, и в таком состоянии они не могли выйти. Дуаньму поправил его одежду и успокоил:

— Девятнадцатый, комната совсем близко. Оденься, и мы сразу окажемся там, хорошо?

Но Девятнадцатый не слушался. Он прижался лицом к обнажённой груди Дуаньму, с наслаждением вздыхая и продолжая тереться. Дуаньму схватил его руки, чтобы предотвратить

дальнейшие движения, затем укутал их в одежду и перенёс Девятнадцатого в комнату.

Девятнадцатый, не в силах двигаться, извивался, его лицо покраснело, как будто на него нанесли румяна, а на глазах сверкали слёзы.

— Господин, мне так плохо...

Он прижался к груди Дуаньму, ища утешения.

Дуаньму поддерживал его за ягодицы, чтобы тот не упал, и за несколько шагов донёс до спальни. Девятнадцатый продолжал извиваться, и Дуаньму, отпустив его, положил на кровать, окончательно сняв с них обоих одежду.

Обнажённый Девятнадцатый попытался сесть, чтобы найти Дуаньму, но тот прижал его к кровати, одной рукой удерживая для поцелуя, а другой начал ласкать его.

Девятнадцатый плотно прижался к телу Дуаньму, и его прикосновения вызвали невероятное удовольствие. С покрасневшим лицом он сам потянулся к Дуаньму, чтобы поцеловать его.

— Господин... Господин...

Его голос был прерывистым, тонким, погружённым в бездну желания.

Дуаньму с улыбкой поцеловал другие части тела Девятнадцатого, оставив след на левой стороне груди, где сердце.

— Обычно ты так стесняешься быть активным, а сейчас такой страстный!

Девятнадцатый не слушал слов Дуаньму, полностью погрузившись в удовольствие, которое тот ему доставлял. Дуаньму продолжал целовать его, спускаясь ниже, пока его язык не коснулся мускулистого живота Девятнадцатого.

Продолжая двигаться вниз, он вызвал у Девятнадцатого стон, как будто тот попал в рай. Девятнадцатый протянул руку к Дуаньму, а тот схватил его руку, доставляя ещё большее удовольствие.

Дуаньму пришла в голову смелая идея. Он достал из-под кровати их обычную мазь, продолжая ласкать Девятнадцатого, открыл крышку и нанёс немного мази на свои пальцы, затем направил их к себе.

Было больно. Он не понимал, как Девятнадцатый пережил это в первый раз. Он мог бы подождать, но не стал. Сделав минимальную подготовку, он медленно опустился на Девятнадцатого.

— Господин...

Девятнадцатый, с закрытыми глазами, чувствовал Дуаньму, полностью отдавшись инстинктам.

Дуаньму, двигаясь вверх и вниз, тоже начал стонать. Он продолжал целовать губы Девятнадцатого, его язык скользил по ключице и другим частям тела. Девятнадцатый тяжело дышал, крепче обнимая Дуаньму.

Сделав переворот, Дуаньму оказался снизу.

Час спустя состояние Девятнадцатого улучшилось, но он всё ещё не открывал глаза. Однако после одного раза он уже не чувствовал такого жара, как раньше.

Дуаньму лежал на кровати, вспоминая только что пережитое. Если это был Девятнадцатый, он был готов на всё. Ему это понравилось, и он подумал, что в будущем они могли бы меняться ролями, чтобы добавить разнообразия.

Немного отдохнув, Девятнадцатый снова начал извиваться, жалуясь на жар. Дуаньму подготовил его, и Девятнадцатый сразу же обхватил его талию.

...

Когда всё окончательно закончилось, уже наступил вечер. Девятнадцатый, полностью измотанный, крепко спал. Дуаньму взял мазь и бинты, осторожно отнёс его к горячему источнику на заднем дворе, чтобы искупать.

В первый раз Девятнадцатый двигался так резко, что разорвал заживающую рану. Дуаньму опустил его в воду, очистил тело и мягко протёр плечи полотенцем. Девятнадцатый крепко спал, лишь изредка бормоча «господин» и больше не реагируя.

Дуаньму сначала перевязал его плечо, а затем очистил себя. Когда он вернулся, Девятнадцатый спал, прижавшись к его груди, и Дуаньму остался с ним до наступления темноты.

Проснувшись, Девятнадцатый ничего не помнил. Он лишь знал, что его отравили, а затем, кажется, пришёл Дуаньму. Всё, что произошло после, было для него как провал в памяти. Он не помнил, что делал с Дуаньму, и что Дуаньму делал с ним.

Дуаньму тоже проснулся, когда тот открыл глаза.

— Девятнадцатый, тебя ещё что-то беспокоит?

Девятнадцатый почувствовал дискомфорт в плече и, расстегнув рубашку, увидел, что татуировка снова появилась. Он показал её Дуаньму, и тот тоже удивился.

В прошлый раз, когда он показывал её Дуаньму, татуировка внезапно исчезла, как будто это было его воображение.

Дуаньму поцеловал татуировку, думая о том, что, возможно, это связано с Городом Ищущего Листа. Но он решил, что нужно скрыть это, чтобы никто не увидел.

Он многое обдумал, но ничего не сказал.

— Возможно, это связано с твоим происхождением. Не думай об этом слишком много. Если захочешь, я найду твоих родителей.

Девятнадцатый тут же покачал головой.

— Возможно, они уже мертвы. Если они бросили меня однажды, то могут сделать это снова. Найти их бесполезно.

— Не грусти. У тебя есть я. Я никогда тебя не оставлю. Даже если ты откажешься от меня, я всегда буду с тобой!

— Хорошо.

Девятнадцатый: Хорошо послужишь — получишь награду!

Дуаньму: Награда — это быть сверху, да?

Девятнадцатый: Можно рассмотреть... Но результат тебя не обрадует!

Дуаньму: Хм!

Эта глава должна была называться «Соблазнительные весенние краски», но... пришлось изменить, чтобы не заблокировали. Думаю, я написал достаточно скрытно!

Дуаньму из-за инцидента с Девятнадцатым провёл тщательное расследование в главном дворе. Все, кто контактировал с Шэнь Бэем в тот день, были вызваны. В конечном итоге выяснилось, что служанка по имени Дунмэй, поддавшись уговорам Шэнь Наня, нанесла на край чашки поданный им яд. То есть чай был безопасен, а вот чашка — нет.

Дунмэй была немедленно казнена, и это стало предупреждением для всех: в Башне Цинчэн любой, кто замышляет недоброе против Девятнадцатого, будет казнён.

Шэнь Нань был заключён в подземелье Башни Цинчэн. Он предполагал, что, судя по настроению Дуаньму, ему не выбраться отсюда. Но он должен попытаться, ведь никто не хочет умирать.

<http://bllate.org/book/16706/1535064>